

Они говорят позитивистам: «Господа, вы правы, охраняя прогнившие и высохшие остатки старины; так мило и приятно живется в этих развалинах, в этом противном разуму мире рококо, воздух которого в такой же мере полезен нашему чахлому духу, как воздух стойла для чахоточного организма; что касается нас, то мы с величайшей радостью устроились бы в вашем мире, в мире, в котором мерилом истинности и святости являются не разум и неразумные определения человеческой воли, а длительная устойчивость и неподвижность и в котором, следовательно, Китай с его мандаринами и бамбуковыми палками должен признаваться абсолютно истинною! Но что же делать, господа? Настали плохие времена; наши общие враги, отрицатели, отвоевали очень много места; мы ненавидим их так же, как и вы, а может быть, даже и больше, ибо они в своей развязности позволяют себе нас презирать; но они стали сильны, и с ними волей-неволей приходится считаться, чтобы не быть ими совершенно уничтоженными. Не будьте же такими фанатиками, господа, предоставьте им немного места в вашем обществе: что вы потеряете, если они займут в вашем историческом музее место некоторых, *прежде* весьма почтенных, а *ныне* совершенно развалившихся руин? Поверьте нам, что они будут совершенно осчастливлены честью, которую вы им этим окажете, и станут вести себя в вашем почтенном обществе очень спокойно и скромно; ведь в конце концов это – всего только молодые люди, «озлобленные» нуждою и недостатком «обеспеченного существования»¹, лишь потому так громко кричащие и поднимающие так много шума, что надеются таким путем приобрести известный вес и создать себе выгодное положение в обществе».

Затем они обращаются к отрицателям и говорят им: «Стремления ваши благородны, господа! Мы понимаем ваше юношеское одушевление чистыми принципами и питаем к вам величайшую симпатию. Но, верьте нам, чистые принципы в их чистоте неприменимы к жизни; жизнь требует некоторой доли эклектизма; мир не поддается такой переделке, какую вы хотите ему придать; надо кое-что уступить ему, чтобы получить возможность на него воздействовать, – иначе вы совершенно скомпрометируете свое положение в нем». И как о польских евреях рассказывают, что они во время последней польской войны старались одновременно служить обеим борющимся сторонам, как русским, так и полякам, и вешались теми и другими, так хлопочут эти жалкие люди вокруг невыполнимого дела внешнего примирения и в благодарность добиваются презрения со стороны обеих партий. Жаль только, что наше время слишком слабо и неэнергично, чтобы применить к ним закон Солона!

Все это фразы, возразят мне; соглашатели – в большинстве случаев почтенные и научно образованные люди; между ними есть много всеми уважаемых и высокопоставленных личностей, а вы представили их людьми без ума и без убеждений. Но что же я могу поделать, если это действительно так? Я не хочу никого задевать лично; внутренний мир каждого индивидуума для меня неприкосновенная святыня, нечто ни с чем не соизмеримое, о чем я никогда не позволю себе судить. Для самого индивидуума этот внутренний мир может обладать бесконечной ценностью, но для внешнего мира он действителен лишь в той мере, в какой он проявляется вовне, и будет лишь таким, каким он проявляется вовне. Каждый человек есть в действительности только то, чем он является в действительном мире, – ведь не могу же я называть черное белым.

Конечно, возразят мне, Вам их стремления кажутся черными или, вернее, серыми; на деле же они хотят и имеют единственной целью только прогресс, которому они способствуют гораздо больше вас самих, так как они подходят к делу рассудительно, а не самонадеянно, подобно демократам, желающим перевернуть весь мир. Но мы видели, что представляет этот мнимый прогресс, к которому стремятся соглашатели; мы видели, что он, по существу, является не чем иным, как удушением единственно живого принципа нашей и без того скудной современности, удушением творческого и многообещающего принципа разрешающего движения. Они так же ясно, как и мы, осознают, что наше время есть время противоположения; они соглашались с нами, что это – дурное, в самом деле разорванное состояние, но вместо того, чтобы, доведя его до конца, помочь ему перейти в новую, утвердительную и органичную действительность, они хотят путем бесконечной «постепенности» вечно сохранять это в его нынешнем существовании столь убогое и чахоточное состояние. И это есть прогресс? Они гово-

¹ См. мнение, высказанное Маргейнеке в деле Б. Бауэра, с. 86

Бакунин имеет в виду брошюру: Marheineke Ph. Einleitung in die öffentliche Vorlesungen über die Bedeutung der Hegelschen Philosophie in der christliche Theologie. Nebst einem Separatvotum über B. Bauers Kritik der evangelische Geschichte (Введение к публичным лекциям о значении гегелевской философии в христианской теологии. С приложением особого мнения о бруно бауэровской критике евангельской истории). Berlin, 1842.